

УДК 930.85

Т.В. Полежаева

**«ХОДИЛ Я В КАТОЛИЦКУЮ ЗДЕШНЮЮ ЦЕРКОВЬ СЛУШАТЬ МУЗЫКИ И ПЕНИЯ»:
К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ А.С. ШИШКОВА**

Исследуются религиозные воззрения адмирала А.С. Шишкова (1754–1841). Устанавливается, что в его концепции идеального государства центральное место занимали православие и церковнославянский язык как важнейшие факторы сохранения национальной идентичности в условиях мировоззренческого кризиса. Однако частная сторона жизни Шишкова не отражает его идей. Дается объяснение этого несоответствия, учитывающее широкий историко-культурный контекст, а именно влияние философии Просвещения.

Ключевые слова: А.С. Шишков, православие, Просвещение, национальная самобытность.

При написании научных биографий исторических деятелей, так или иначе связанных с государственной идеологией, исследователи нередко сталкиваются со следующей проблемой: те установки и воззрения, которыми руководствовались в общественно-публицистической жизни их персонажи, в ее частной, личной стороне не находят отражения. Данное разночтение, кажущееся очевидным, требует, однако, специального объяснения, поскольку иначе невозможно восстановить целостную картину бытия человека.

Яркой иллюстрацией такого рода несоответствия является жизненный путь адмирала А.С. Шишкова. Занимавший высокие должности государственного секретаря (1812–1814 гг.) и министра народного просвещения (1824–1828 гг.), Шишков вовлекался в процесс идеологического конструирования, а порой и сам создавал мифологию, необходимые на данный момент государству [1]. При этом в частной жизни он демонстрировал поведение, не соответствующее проговариваемым им идеям. Представляется, что различное поведение адмирала в общественной и частной сферах жизни может быть объяснено только при учете широкого историко-культурного контекста начала XIX в., а именно философии Просвещения.

Рубеж XVIII–XIX вв. был ознаменован вступлением России в новую стадию модернизации. Влияние Западной Европы на общественную жизнь страны имело неоднозначные последствия. С одной стороны, идеи Просвещения способствовали утверждению рациональных установок в жизнедеятельности людей. С другой стороны, они подрывали основу традиционной русской культуры – православное мировоззрение. Результатом этих процессов стал мировоззренческий кризис, вследствие которого многие представители высшего дворянского общества переходили в католичество, протестантство, увлекались идеями ма-

сонства и мистицизма. Как справедливо замечает Н.И. Сидорова, «период правления императора Александра I можно признать эпохой обострения религиозного сознания российского общества» [2. С. 22]. Французы, бежавшие из охваченной революцией страны и осевшие в Российской империи, только способствовали отказу от православной культуры. Став гувернерами, они с детства воспитывали в русских подопечных если не презрение к родным языку и вере, то безразличие [3. С. 16].

В этих культурно-исторических условиях Шишков выступает со своей идеологической программой, оформившейся в языковом споре так называемых «архаистов» и «карамзинистов». Если поначалу среди исследователей господствовал филологический подход к этой дискуссии, рассматривающий ее как этап формирования русского литературного языка, то в последнее время интерпретация спора включает уже вопросы сохранения национального своеобразия страны. Именно в таком ключе, на наш взгляд, стоит рассматривать полемику «архаистов» и «карамзинистов».

В условиях иностранной, прежде всего французской, культурной экспансии Шишков делает ставку на ценности традиционного общества: религию и язык. Православие и церковнославянский язык выступают для Шишкова тем интегральным звеном в его теории, который призван объединить русское общество. По сути, в трудах адмирала находит свое раннее воплощение уваровская триада «православие – самодержавие – народность». За неприятие нововведений современники Шишкова называли его ретроградом, «старовером» и «славянофилом». Жуковский писал о нем: «Шишкова почитают суеверным, но умным раскольников в литературе, мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам, а тех, которые мо-

лется не по старым книгам, называют богоотступниками» [4. С. 62–63]. С.Т. Аксаков приводит мнение своих сокурсников о Шишкове: «Закоснелый славяноросс, старовер и гасильник» [5. Т. 2. С. 173]. Взгляды Шишкова на религию как фактор сохранения традиционной культуры сложились еще в процессе воспитания.

А.С. Шишков родился в 1754 г. в семье небогатого тверского дворянина Семена Никифоровича Шишкова. К сожалению, не сохранилось источников, рассказывающих о детских годах и воспитании адмирала. Однако, несмотря на уверения Шишкова, что до тринадцатилетнего возраста он жил «в глуши у дедушки, ничему не учась и без всякого воспитания» [6. С. 121], можно предположить, что именно в это время происходит его знакомство с православной литературой. Один из первых биографов Шишкова В.Я. Стоюнин предполагает следующее: «Скорее всего, он воспитывался при тех же условиях, при которых воспитывались и некоторые из его сверстников, почтенных деятелей в общей русской жизни второй половины XVIII в. как, например, Фонвизин, Державин и пр. В них развивались религиозное чувство и мысль под влиянием чтения религиозных книг, Священной истории и Четьи-Минеи, а с этим вместе и ухо роднилось с церковным языком; развивалась и любовь к природе под влиянием близких отношений к ней, развивалась любовь к человеку под впечатлениями любящей родной семьи, развивалась любовь к родине под впечатлением рассказов о славных и громких прошедших временах Петра, под впечатлением народных песен, а, может быть, и звучных од Ломоносова и других стихотворцев» [7. С. 3–4]. Окруженный церковной литературой и произведениями классицизма А.С. Шишков воспринимал их как образцы русского слога.

О глубоком знакомстве Шишкова со священными текстами свидетельствуют все его программные сочинения («Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», «Рассуждение о красноречии Священного Писания», «Рассуждение о любви к Отечеству»), в которых неоднократно автор приводит цитаты из Священного Писания, Четьи-Минеи, канонов, акафистов, ирмосов и пр. Так, в вышедшем в 1803 г. «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» Шишков использует в качестве образцов правильного слога обширные отрывки из Четьи-Минеи («Житие Митродоры, Митродоры, Нимфодоры») и Библии, сравнивая оду Ломоносова «Иов» с «Книгой Иова». Помимо этого, в «Рассуждении...» автор указывает на причины забвения родной культуры, среди кото-

рых находим прекращение практики чтения книг на родном языке: «...для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего, нужно читать изданные на оном книги...» [8. С. 6].

Изменение церковнославянского языка и книг Шишков считал кощунством. Показательно в этом аспекте отношение Шишкова к действиям Библейских обществ. В 1813 г. с позволения Александра I и при прямом участии министра народного просвещения князя А.Н. Голицына подобная организация, ставившая своей целью перевод Библии на национальные языки, была создана и в России. В короткое время появились переводы на татарский, польский, армянский, калмыцкий, финский и др. языки. В 1815 г. начинается подготовка к переводу на русский, которому как раз воспротивился А.С. Шишков, считавший, что церковнославянский язык является боговдохновенным. Д.Д. Свербеев писал, что, по мнению адмирала, «дерзать на перевод со славянского на русский Св. Писания, а равно отеческих и богослужебных книг, значит...касаться рукою скверною к Божию кивоту, значит уничтожать святость предками завещанного нам слова, низводить его до уничиженного, ежедневного, простонародного употребления» [9. С. 178]. Партия Шишкова в этой борьбе победила, в 1824 г. А.Н. Голицын был освобожден от должности, и на его место назначен адмирал. Перевод Библии на русский язык был сразу же остановлен.

А.С. Шишков полагал, что истинный язык и вера сохранились у народа, который понимает церковнославянский язык естественным образом, а разращенное французами дворянство утратило эти навыки. Исходя из таких соображений, Шишков брал со своих крестьян незначительный оброк. Показателен случай, описанный С.Т. Аксаковым: в неурожайный год, зная, что барин «голодует», крестьяне, избрав делегацию, отправили ее в столицу с просьбой взять с них оброк. При этом было составлено письмо, которое Шишков тут же объявил идеалом русского слога: «Услыхав такие речи, дядя пришел в неописанное восхищение, или лучше сказать, умиление, не столько от честного, добросовестного поступка своих крестьян, как от того, что речи их, которые он немедленно записал, были очень похожи на язык старинных грамот» [5. Т. 2. С. 200]. Впоследствии крестьяне уговорили А.С. Шишкова назначить им оброк, поскольку им было совестно перед другими крестьянами. Показательно, что хотя адмирал заботился об их благополучии, он не старался просветить своих крестьян и, тем более, не собирался предоставлять им свободу. С.Т. Аксаков приводит следующее свидетельство: «Сам Шишков любил и уважал рус-

ский народ по-своему, как-то отвлеченно; в действительности отказывал ему в просвещении и напечатал впоследствии, что мужику не нужно знать грамоты» [5. Т. 2. С. 176]. В воспоминаниях Д.Д. Свербеева сохранился случай, когда молодой, либерально настроенный автор на вопрос А.С. Шишкова «ну ты, юноша, знаешь, сколько у нас состояний?» ответил следующее: «Два: деспоты и рабы». Реакция старого адмирала была показательна: «Как бы не солоно похлебавши, отскочил от меня Шишков и значительно взглянул на Кикина» [9. С. 165]. Таким образом, идеологическое значение православия и церковнославянского языка заключалось для Шишкова в том, что он считал их наиболее действенными инструментами в сохранении национальной самобытности.

Несмотря на такую приверженность православным традициям и церковнославянскому языку, А.С. Шишков на себе испытал влияние времени. Философия Просвещения, уже ставшая на данный момент частью мировоззрения русского дворянства, выдвинула на первый план человеческий разум, подняла вопросы о ценности личности. Однако появившиеся в России идеи, прежде всего, французских авторов претерпели значительную трансформацию. Как показал Ю.М. Лотман, «Просвещение, которое на Западе означало изменения *строя мыслей* общества, в России стремилось к перемене *типа поведения*» [10. С. 205]. Последнее стало регулироваться не религиозными нормами, кризис которых был для современников очевиден, а при посредничестве литературы. Она стала формой выражения общественного мнения, совестью нации, обличителем пороков. Другой особенностью русского Просвещения стала руководящая роль светского государства, еще со времен Петра I воспринимаемого как субъект общественной жизни, высшее проявление общечеловеческой воли, «орудие общей пользы».

Таким образом, Шишков стал воплощением двух ведущих идейных тенденций того времени: с одной стороны, он как представитель литературы должен был демонстрировать «правильное» с точки зрения морали общественное поведение, которое описывал в «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка», «Рассуждении о любви к Отечеству», «Речи при открытии “Беседы любителей русского слова”» и других сочинениях. С другой стороны, поскольку философия Просвещения обосновывала ведущую роль в историческом процессе не отдельного человека, но целой нации, то поведение частного индивида характеризовалось определенной свободой действий, которая

становится заметной при рассмотрении бытовой и частной жизни Шишкова.

До выхода «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка» А.С. Шишков путешествовал за границей, выполняя поручение императора Павла. В этой поездке адмирал состоял в переписке с женой, которой рассказывал обо всем происходящим с ним в пути. Будучи в Дрездене 28 мая 1798 г., он сообщает ей следующее: «Мы здесь также постились и ходили в церковь, которая в доме у нашего посланника, маленькая, но весьма изрядная. Кутайсов говел и приобщался, а я нет; однако севодня был у обедни. Вчера в вечеру ходил я в католицкую здешнюю церковь слушать огромной музыки и пения; севодня по утру там же был...» [11. Ч. 2. С. 269]. А.С. Шишков, будущий апологет православных норм, не находит ничего дурного в том, чтобы посещать католический храм вместо православной заутрени. Более того, можно добавить, что во время этого же поста он спокойно играл в рокамболь [11. Ч. 2. С. 259], т.е. вел жизнь светскую, проявляя при этом любопытство и толерантность к другой религии.

Эта толерантность заметна даже в выборе супруг. Шишков был женат дважды: первый раз на Дарье Алексеевне Шельтинг, второй – на Юлии Осиповне Лобаржевской (Нарбут). Примечательно, что и первая, и вторая супруги Шишкова – не православные русские. О Д.А. Шельтинг нам известно крайне мало, хотя с Шишковым они прожили более 30 лет. С.Т. Аксаков сообщает, что она была «голландка и лютеранка» [5. Т. 2. С. 183], происходила из семьи потомственных моряков: дед был приглашен на русскую службу в начале XVIII в. Умерла Д.А. Шельтинг в 1825 г., А.С. Шишков сильно горевал, и никто не ожидал его второй женитьбы.

Вторая жена – Ю.О. Лобаржевская (урожденная Нарбут) – полька и католичка. А.С. Шишков женился на ней уже в почтенном возрасте (ему было 72 года), как сам он признавался, чтобы «найти друга, могущего в дряхлом состоянии моем быть мне отрадою и утешением...» [6. С. 81]. Это произошло вопреки мнению окружения А.С. Шишкова, которое видело в новой жене-иностранке особу с сомнительной репутацией, подпорченной бракоразводным процессом с первым мужем: «Более неподходящую жену для Шишкова, с его сложившейся в незапамятные времена репутацией «славенофила» и ревнителя всего русского, при всем желании трудно было отыскать» [6. С. 79–80]. Накануне женитьбы А.С. Шишков получил анонимное письмо с увещеваниями не идти на этот шаг. К тому же предчувствуя последствия и толки о его женитьбе, ад-

мирал испрашивал разрешения на нее у самого императора.

Не менее показателен семейный быт А.С. Шишкова. В своих воспоминаниях С.Т. Аксаков создал образ благодушного старичка, на чудачества которого относительно упражнений в языке никто не смотрит всерьез. При нем домашние, не стесняясь, говорили всегда на французском [5. Т. 2. С. 185]. Хотя стоит заметить, А.С. Шишков знал французский, немецкий, английский, итальянский языки и делал с них переводы. (См.: Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе, а с него переведена г. [А.С. Шишковым]. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1783–1785. 116 с.; Дафнис, сочинения г. Геснера. Перевел с немецкого А.Ш. СПб.: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1785. 168 с.; Морское искусство, или Главные начала и правила, научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей, сочиненные г. Роммом, корреспондентом Парижской Академии наук и профессором навигации Морского училища. Перевел с французского флота капитан Александр Шишков. Ч. 1–2. СПб.: тип. Морск. шляхет. кадет. корпуса, 1793–1795; Тассовы бдения, перевод с итальянского подлинника А.Ш. СПб.: Имп. тип. 1808. 182 с. и т.д.

Еще одно обстоятельство, на которое стоит обратить внимание: С.Т. Аксаков, подробно описавший распорядок дня А.С. Шишкова, ни разу не упомянул о посещении адмиралом православных служб. Среди домашних А.С. Шишкова находилось и молодое поколение – племянники Александр и Дмитрий, сыновья младшего брата Ардалиона. Однако адмирал не предпринимает попыток воспитать молодое поколение на тех культурных основаниях, которые сам пропагандирует. Племянники полностью были отданы в руки Дарьи Алексеевны, нанявшей для них французского гувернера, завоевавшего благосклонность хозяина дома через похвалы России [5. Т.2. С. 185].

Еще одним источником, по которому можно судить о нехарактерном для православного христианина поведении, являются частные письма к первой жене и другим родственникам [6. С. 63–163]. В них А.С. Шишков часто использует французский язык. Как показала М.В. Захарова в своем диссертационном исследовании «Языковые взгляды А.С. Шишкова и их отражение в его речевой практике», эти галлицизмы представляли собой общеупотребительные фразы, от использования которых, несмотря на весь свой пуризм в отношении языка, адмирал не мог воздержаться [12. С. 98]. Используя эти фразы бессознательно («*rough rendre la scene plus comique*» – «Представить сцену

еще более комической» [11. Ч. 1. С. 235], «*mais l'homme propose, et Dieu dispose*» – «Человек предполагает, а бог располагает» [6. С. 96]), адмирал демонстрировал тем самым свою собственную уязвимость.

Являясь основателем и лидером литературного кружка под названием «Беседа любителей русского слова», А.С. Шишков был известен современникам как апологет православия и всего русского. Однако при анализе личности и творчества Шишкова выявляются противоречия между его идеологической позицией и личной жизнью, которые можно объяснить, лишь учитывая широкий историко-культурный контекст. Трансформация идей Просвещения в России, выразившаяся в моралистической функции литературы и руководящей роли светского государства как «орудия общей пользы», привела к тому, что индивид в публичной сфере должен был демонстрировать поведение, которое соответствовало бы нормам социума, и лишь в частной жизни человек обладал относительной свободой. Фигура А.С. Шишкова является в данном случае показательной. Воспитанный на религиозных ценностях традиционного общества, он вынужден проговаривать их значимость, демонстрируя таким поведением, насколько болезненным был процесс обмирщения для дворянина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин А. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.
2. Сидорова Н.И. Мистицизм в русской религиозной культуре первой четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. 23 с.
3. Солодянкина О.Ю. Феномен иностранного губернаторства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Отечественная история. 2008. №4. С. 9–23.
4. Жуковский В.А. Письма к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Изд. «Рус. архива» по подлинникам, хранящимся в Имп. Публич. б-ке. 1895. 322 с.
5. Аксаков С.Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 266–313.
6. Боленко К.Г., Лямина Е.Э. Из семейной переписки А.С. Шишкова // Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов. 2005. Вып. 4 (43). С. 63–163.
7. Стоюнин В.Я. Александр Семенович Шишков // Стоюнин В.Я. Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. 371 с.
8. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. М.: Либроком, 2011. 378 с.
9. Свербеев Д.Д. Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым // Ю.М. Лотман. Русский архив. 1871. Вып. 1. Стб. 162–172.
10. Лотман Ю.М. Архаисты-просветители // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 198–210.
11. Письма А.С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.) // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. I (Новая серия). Тарту. 1994. Ч.1. С. 215–241; 1996. Ч. 2 С. 258–297.
12. Захарова М.В. Языковые взгляды А.С. Шишкова и их отражение в его речевой практике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 174 с.